

С.В. Бондаренко

СОЦИАЛЬНЫЕ МИФЫ «ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ»*

В рамках полемики автор статьи обращает внимание на ошибки в трактовке терминов «виртуальный», «электронная демократия» и других. При описании политических процессов в киберпространстве часто используются методы популизма, в то время как неоднозначность процессов предусматривает необходимость широкомасштабных исследований.

Опубликованная в «Журнале социологии и социальной антропологии» статья «Электронная демократия: политика в условиях глобальной коммуникации» вызывает неоднозначное впечатление. С одной стороны, ее автор, работающий в Вильнюсском университете доктор Лаурас Белинис, решает важную исследовательскую задачу прогноза возможных сценариев электронной демократии: оптимистического (возможность непосредственного участия для всех) и пессимистического (ограничение социальными и технологическими факторами, опасность электронного террора). Но, с другой стороны, решает он ее, основываясь на социальных мифах, что ставит под сомнение как саму методологию, так и выводы автора.

Начнем с того, что доктор Л. Белинис благоразумно не стал раскрывать базовую дефиницию «электронная демократия», а также подавляющее большинство иных используемых им терминов. Указанный методологический просчет позволяет ему рассуждать о самых разных предметах, не слишком заботясь о корреляции вкладываемых в термины смыслов. Так, первый параграф статьи носит название «Виртуальность и информационное общество». При этом вводится термин «виртуальное общество», которое автор статьи в чем-то противопоставляет «информационному обществу». Если учесть, что теоретические конструкты даже «информационного общества» (Уэбстер 2004) весьма слабо проработаны (в частности, в академических публикациях отсутствует анализ таких базовых для любого общественного устройства элементов, как социальные институты и структуры), то противопоставление одного слабо разработанного конструкта другому (практически не описанному) представляется весьма странным. Проблему же «отделения виртуального общества от информационного» автор статьи решает достаточно просто, мимоходом замечая, что «...не следует сильно акцентировать различие между виртуальным и информационным обществом, потому что во многих случаях происходит их слияние, они

* Отклик на статью: **Белинис Л. Электронная демократия: политика в условиях глобальной коммуникации** // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 4. С. 67–82.

заимствуют друг у друга уже освоенные способы коммуникации и таким образом дрейфуют по направлению друг к другу»... (С. 69)

В данном случае трудно избежать сравнения «виртуального общества» Л. Белиниса с небезызвестным литературным героем поручиком Киже. И потому нет ничего удивительного, что и смысл, вкладываемый Л. Белинисом в термин «виртуальность», остается загадочным. А как иначе можно воспринимать следующие фразы: «Виртуальность не требует достижения интеллектуального уровня — каждая наша попытка что-то вообразить уже является началом процесса виртуализации»; «в условиях информационного общества виртуальность приобретает неограниченные возможности для проявления»; «виртуальность не является только цифровым состоянием людей» и т. д.

Только и остается, что констатировать — далеко зашла виртуалистика в искажении здравого смысла. Хотя, казалось бы, чего проще — загляни в словарь и прочти: «виртуальный» происходит от латинского слова «*virtualis*», что означает «возможный; такой, который может или должен появиться при определенных условиях» (Словарь иностранных слов 1990: 106). Таким образом, «виртуальность» изначально была термином, относящимся к онтологии.

Еще во времена Аристотеля определение «виртуальный» было эквивалентно определению «потенциальный». Согласно Аристотелю, каждый объект может быть описан в терминах действительной (*energeia*) и потенциальной возможности (*dynamis*). Объективно говоря, сам Аристотель термин «виртуальный» не использовал. За него это сделал в эпоху средневековья теолог Фома Аквинский, который, развивая аристотелеву онтологию, ввел термин «виртуальный» как синоним «потенциального». Существенным дополнением при этом стало указание на движение «потенциального» к «действительному», т. е. процесс актуализации, под которым понимается переход из состояния возможности в состояние действительности.

Аристотель и Фома Аквинский, говоря современным языком, разрабатывали философские и мировоззренческие основы виртуальности. Начало же широкого использования термина «виртуальный» относится к XVIII в. В оптике этот термин обозначал фокус или изображение, возникавшие в результате эффекта отражения или преломления световых лучей*.

И как после такого исторического экскурса можно воспринимать следующую фразу из статьи Л. Белиниса: «На протяжении последних десятилетий XX в. в академической печати можно обнаружить поиск термина для обозначения виртуальности». Согласитесь, интересный вариант научной рефлексии, когда для термина, указанного в толковых словарях, осуществляется «поиск термина»... Указанное противоречие — не единственное в статье.

Следуя широко распространенной в псевдонаучных публикациях моде, автор путает информацию с контентом, использует понятия «контроля интерактивности», «интернет-пространства» и т. д. и т. п. Создатель же всемирной паутины (*world wide web* — WWW) Тим Бернерз-Ли (*Tim Berners-Lee*) всегда подчеркивает в интервью с журналистами, что «прежде всего необходимо отдавать себе отчет, что “паутина” — не есть Интернет. Интернет — это физическая сторона сети, гигантская масса проводов и компьютеров, которая опутывает земной шар, в то время как “паутина” — это абстрактное пространство, или совокупность информации, с которой и соприкасается пользователь» (Левик 2002: 24). Таким образом, грубейшая ошибка называть сеть Интернет средой или пространством, если только при этом не подразумевать техническую инфраструктуру.

* В основе понятия «виртуальности» лежали исследования Христиана Гюйгенса (1629–1695) в области преломления света. В своем «Трактате о свете» этот голландский ученый впервые сформулировал принцип распространения волны и преломления света, получивший название «принцип Гюйгенса».

Мы не случайно столь подробно остановились на вопросах искажения смысла, вкладываемого в базовые термины. Отсутствие объективности восприятия социального пространства в телекоммуникационных сетях неизбежно приводит к тиражированию Л. Белинисом социальных мифов о гипердемократии в киберпространстве или же о тотальном социальном контроле.

Три десятилетия социологи, политологи и футурологи пытаются оценить возможности электронных средств массовой коммуникации в вопросах совершенствования функционирования демократии. На наш же взгляд, для понимания сути социальных изменений гораздо важнее понять их диалектичность, учесть интересы участвующих в этих преобразованиях акторов, но именно этого как раз и не хватает в дискуссиях о судьбах «электронной демократии». В спорах сторонники диаметрально противоположных точек зрения упускают из виду тот факт, что информационно-коммуникационные артефакты в принципе являются составной частью «неоднозначных технологий», способных как помочь в решении многих из существующих в обществе проблем, так и создать новые.

Словосочетание «электронная демократия» (electronic democracy) чаще всего используется в тех случаях, когда речь идет об импликациях компьютерных технологий для организации политического процесса (Donk, Snellen, Tops 1995; Dutton 1992: 505–522). В узком смысле термин подразумевает использование гражданами информационных, а также телекоммуникационных технологий для участия в конституционно предусмотренных действиях по управлению делами государства и местных сообществ. Таким образом, под термином «электронная демократия» будем понимать любую демократическую политическую систему, в которой компьютеры, а также аналогичные им устройства, соединенные в телекоммуникационные сети, используются для того, чтобы способствовать выполнению основных функций демократического процесса, как-то: свободный доступ к общественно-значимой информации, свобода слова, участие в управлении делами общества (как путем свободного обсуждения, так и участия в выборах, референдумах и иных формах волеизъявления граждан).

Как известно, «неоднозначность» социальной технологии предусматривает и неоднозначность ее применения. По историческим меркам непродолжительная история развития конструкта «электронной демократии» свидетельствует не только о том, что эта идея овладевает умами, но и о том, что она постоянно трансформируется.

В своей же статье Л. Белинис сваливает в одну кучу и «электронную демократию», и «электронный бизнес», и технологии «электронного правительства». На последнем из терминов стоит остановиться особо. Будучи чрезвычайно неудачным, словосочетание «электронное правительство» обозначает некое новое правительство, но форму предоставления услуг гражданам со стороны государственных служб посредством использования возможностей телекоммуникационных сетей (выдача справок, разрешений и т. д. и т. п.). Соответственно, никакого отношения к демократизации общества не имеет (поэтому нет ничего удивительного в том, что системы «электронного правительства» внедряются и в далеко не демократических государствах). Внедрение систем «электронного правительства» требует колоссальных затрат, для оправдания которых и тиражируются мифы о параллельном внедрении «электронного правительства» и «электронной демократии». Для разоблачения таких мифов достаточно взглянуть на статьи бюджетов проектов информатизации различных сторон жизни общества.

В рамках полемического выступления невозможно отразить всю противоречивость взглядов по обсуждаемой проблеме как самого Л. Белиниса, так и его оппонента. Вдумчивый читатель может сделать это и сам, перечитав как статью литовского исследователя, так и наши публикации по данной проблематике (Бондаренко 2004а, 2004б, 2004в). Проблема в ином — в ответственности представителей общественных наук за разработку конструктов, способных уже в ближайшей перспективе изменить жизнь общества.

Приходится констатировать, что на сегодняшний день вместо осмысления происходящих процессов мы имеем дело с *технопопулизмом*, негативные проявления которого общество может ощутить уже в обозримом будущем. Известный американский исследователь проблем обеспечения «прозрачности» государственных институтов Мэри Грэхем (Mary Graham) обращает внимание на опасность использования непродуманных методик технопопулизма. С ее точки зрения, подобный путь развития может привести в глазах общественности к дискредитации самой идеи информационной открытости в киберпространстве государственных структур (Graham 2002: 201). Безусловно, сказанное Мэри Грэхем можно отнести не только к государству как политическому институту киберпространства, но и к политическим партиям и иным общественным объединениям, участвующим во внедрении технологий «электронной демократии».

Литература

Бондаренко С.В. Краткий курс истории развития конструкта «электронная демократия» // Сайт Фонда им. К. Аденауэра, Международная Интернет-конференция «Демократия в информационном обществе: перспектива для России в свете международного опыта» 2 июня – 7 июля 2004 г. (Электронный ресурс). <http://www.adenauer.ru>

Бондаренко С.В. Социальные технологии «электронной демократии» (попытка верификация конструкта) // Сайт Фонда им. К. Аденауэра, Международная Интернет-конференция «Демократия в информационном обществе: перспектива для России в свете международного опыта», 2 июня – 7 июля 2004 г. (Электронный ресурс). <http://www.adenauer.ru>

Бондаренко С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2004.

Левик Р. Создатель «всемирной паутины». Как Тим Бернерз-Ли придумал WWW // Моби. 2002. № 3.

Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1990.

Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; Под. ред. Е.Л. Варгановой. М.: Аспект Пресс, 2004.

Donk W.B.H.J. van de, Snellen I.Th.M., Tops P.W. (eds.) Orwell in Athens. A Perspective on Informatization and Democracy. Amsterdam u.a.: IOS Press, 1995.

Dutton W.H. Political Science Research on Teledemocracy // Social Science Computer Review. 1992. Vol. 10. № 4. Winter. PP. 505–522.

Graham M. Democracy by Disclosure. The Rise of Technopopulism. Washington DC: The Brookings Institution, 2002. PP. 201.